

«НАЗАД — К ЭПОХЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ?»

*Выступление на международной конференции,
посвященной папе Римскому Иоанну XXIII
8 декабря 2000 г., Москва*

Всю историю Римско-Католической Церкви и историю взаимоотношений между католичеством и православием можно, как мне кажется, разделить на два периода: до папы Иоанна XXIII и после Иоанна XXIII.

В течение более девяти столетий до начала его понтификата взаимоотношения между Католической и Православной Церквями характеризовались всё возрастающим отчуждением. Мне довелось недавно прочитать в мемуарах графа М. Толстого рассказ о том, как в середине XIX века один католический архиепископ посетил Москву с дипломатической миссией. Митрополит Московский Филарет тщательно подготовился к его визиту и запер в соборах Московского Кремля все раки с мощами святителей Московских — чтобы архиепископ не прикладывался к ним. Архиепископ, впрочем, и не собирался прикладываться к мощам православных святых. Как вспоминает граф Толстой, архиепископ вошел в храм, осмотрел его святыни, чудотворные иконы — и вышел из храма. Когда его спросили, почему он не приложился ни к одной из святынь, он спокойно ответил: «Не могу же я поклоняться святыням вашей схизматической церкви».

Такие настроения существовали в Католической Церкви в течение многих столетий. Надо сказать, что и отношение православных к католикам было примерно таким же. Но с Иоанна XXIII и с инициированного им Второго Ватиканского Собора начались те изменения в отношениях между двумя Церквями, которые привели к пересмотру всех средневековых представлений католиков о православии и православных о католичестве. Началась новая эпоха, которая должна была бы продолжаться и поныне, если бы не события последних лет, существенно омрачившие наши отношения и поставившие на карту многое из того, что было сделано Иоанном XXIII и Павлом VI в области межхристианских контактов.

Папе Иоанну XXIII было суждено много лет прожить бок о бок с православными. Может быть, это, а может быть, исключительные качества его личности, прежде всего его открытость вызовам времени, заставили его вступить в диалог с Православной Церковью. Именно благодаря ему начались регулярные богословские контакты между Католической и Православной Церквями.

Судьба распорядилась таким образом, что в тот момент, когда папа Иоанн XXIII инициировал диалог с Православием, в Русской Православной Церкви ответственным лицом за межхристианские контакты был другой выдающийся иерарх XX века — митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов). Как и Иоанн XXIII, митрополит Никодим был фигурой эпохального значения. Он сумел сделать то, что не удавалось многим его предшественникам, — возродить тот дух открытости по отношению к инославию, без которого никакой межхристианский диалог был бы невозможен. Благодаря его поддержке уже в 1967 году начался регулярный богословский диалог между Римско-Католической и Русской Православной Церквями.

Этот диалог носил с самого начала богословский характер. Темы диалога были отнюдь не отвлеченными: напротив, они представляли взаимный интерес для обеих Церквей. Например, на беседах, которые состоялись в 1973 году в Загорске (ныне Сергиев Посад), рассматривались следующие аспекты церковной жизни: «Церковь и спасение», «Пастырские заботы сегодня», «Народ Божий и современные кризисы». На беседах в Тренто в 1975 году рассматривалась тема «Христианское провозглашение спасения в изменяющемся мире». В ходе диалога был затронут

широкий круг богословских и социально-общественных тем, равно значимых как для Православной, так и для Католической Церквей.

Двусторонний диалог между двумя нашими Церквями в 70-е и 80-е годы немало способствовал продвижению тех идей открытости и диалога, которые были заложены папой Иоанном XXIII и Вторым Ватиканским Собором. Этому способствовал и тот богословский диалог с Римско-Католической Церковью, который с 1980 года проводился на межправославном уровне. Представителям Поместных Православных Церквей, принимавших участие в этом диалоге, он открывал широкие возможности для знакомства с теми, с кем они на протяжении столетий жили в состоянии взаимного отчуждения. С православно-католическим диалогом связывались надежды на преодоление вековых разделений.

К сожалению, ситуация резко изменилась на рубеже 80-90-х годов, когда в результате известных политических изменений на Западной Украине началось возрождение Греко-Католической Церкви, запрещенной в 1946 году по приказу Сталина. Это возрождение само по себе было фактом, свидетельствующим о появлении той религиозной свободы, которая необходима для нормального существования всех христианских конфессий. Однако оно, к сожалению, сопровождалось грубым насилием со стороны греко-католиков. С конца 80-х годов на Западной Украине начался массовый захват храмов, которые до 1946 года принадлежали греко-католикам, а после были переданы Православной Церкви. В результате действий греко-католиков были практически разгромлены три православных епархии: Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская.

Эти события на многие годы омрачили взаимоотношения между Католической и Православной Церквями — причем не только на Западной Украине, но и во всемирном масштабе. Ухудшение отношений сказалось как на двустороннем богословском диалоге между Римско-Католической и Русской Православной Церквями, который был фактически приостановлен, так и на диалоге между Католической Церковью и Поместными Православными Церквями, зашедшем в тупик.

Кто-то может сказать, что возвращение храмов Греко-Католической Церкви было лишь восстановлением исторической справедливости, так как эти храмы были у нее в свое время отняты насильственно. Но мне кажется, что нельзя исправить одну историческую несправедливость путем другой исторической несправедливости. Невозможно автоматически восстановить статус-кво, имевший место до 1946 года. Нельзя забывать и о том, что за прошедшие с 1946 до начала 90-х годов почти полвека на Западной Украине родились и выросли два поколения людей, для которых именно Православная Церковь стала Церковью-матерью. И далеко не все они хотели возвращаться или обращаться в униатство. Поэтому раздел церковной собственности должен был происходить таким образом, чтобы учитывались интересы обеих сторон, т.е. путём переговоров, а не путём насильственного захвата православных храмов греко-католиками.

Все эти события настолько отбросили нас назад в диалоге с Римско-Католической Церковью, что, если дело будет продолжаться таким же образом, мы можем очень скоро очутиться в той ситуации, в какой наши Церкви существовали на протяжении столетий до Второго Ватиканского Собора, — к состоянию отчуждения, вражды, взаимных упреков, взаимного непонимания.

Летом 2000 года я участвовал в заседании Комиссии по диалогу между Римско-Католической Церковью и Поместными Православными Церквями в Балтиморе (США). Темой диалога были канонические и экклезиологические последствия унии. Православные участники комиссии хотели сделать совместное заявление о том, что не только уния как некий исторический фактор далекого прошлого не была и не является путём к восстановлению единства (подобные заявления уже были сделаны в начале 90-х годов во Фрайзинге и Баламанде), но и что само экклезиологическое положение греко-католиков является ненормальным. Иными словами, уния — не проблема прошлого, но проблема настоящего, кровоточащая рана на теле Церкви; и мы хотели это подчеркнуть.

На подготовительных встречах в Риме и в Арриччиа в 1997 и 1998 годах был принят предварительный текст, в котором говорилось о том, что уния — явление «ненормальное», поскольку униатизм, во-первых, самим фактом своего существования ставит под вопрос спасительность Церквей-Матерей (т.е. Поместных Православных Церквей), во-вторых, противоречит фундаментальному эkkлезиологическому принципу, согласно которому в определенном месте должна быть только одна Поместная Церковь и один епископ, и в-третьих, предполагает концепцию вселенской юрисдикции Римского епископа, неприемлемую для православного богословия.

Когда мы, официальные делегаты Поместных Православных Церквей, прибыли в Балтимор, мы надеялись, что будет подписан документ именно такого или примерно такого содержания. Однако к глубокому своему изумлению мы обнаружили, что римско-католическая сторона не только не готова двигаться вперед по пути диалога, но фактически отказывается от уже достигнутых предварительных договоренностей, зафиксированных в документах встреч в Риме и Арриччиа в 1997-98 годах. В частности, в Балтиморе нам было заявлено, что католическая сторона считает униатство с точки зрения канонической и эkkлезиологической абсолютно нормальным явлением, поскольку униаты находятся в общении с Римом. После целой недели бесполезных прений нам так и не удалось ни до чего договориться, и диалог был приостановлен без каких бы то ни было планов его продолжения в будущем.

Многие православные делегаты, которые присутствовали в Балтиморе, восприняли все происшедшее как огромный шаг назад — в эпоху до Второго Ватиканского Собора. Должен сказать с сожалением, что сама атмосфера, которая царила на православно-католических беседах в Балтиморе, скорее напоминала о Ферраро-Флорентийском, чем о Втором Ватиканском Соборе. В один из дней ситуация накалилась до такой степени, что вся католическая делегация во главе с кардиналом Кассиди покинула зал, так как продолжать дискуссию было невозможно. Благодаря «челночной дипломатии» отдельных членов комиссии заседание все же удалось возобновить на следующий день, но никаких результатов стороны не достигли. Комиссия по сути признала свою неспособность решить проблемы и сочла необходимым обратиться к руководству участвующих в диалоге Церквей с вопросом о целесообразности дальнейшего продолжения диалога.

Во времена папы Иоанна XXIII много говорили об окончании долгой межхристианской зимы и наступлении весны сотрудничества и взаимодействия. Сейчас создается ощущение, что снова наступает зима, ибо «замороженным» оказывается многое из того, что делалось Иоанном XXIII и его преемником на папском престоле Павлом VI. Началось движение вспять — в эпоху до Второго Ватиканского Собора. Если так будет продолжаться, мы скоро вернемся к ситуации, имевшей место на момент Ферраро-Флорентийского Собора. А там недалеко и до крестовых походов...

Думается, мы должны сделать всё от нас зависящее, чтобы диалог между нашими Церквами сдвинулся с мертвой точки. На Западной Украине должна быть восстановлена нормальная церковная жизнь для православных верующих, а уния должна быть признана явлением ненормальным, противоречащим эkkлезиологическим нормам Церкви первого тысячелетия.

Хочется в заключение выразить надежду на то, что взаимоотношения между православными и католиками в XXI веке вновь начнут развиваться в том направлении, в каком это было предначертано папой Иоанном XXIII. В его лице мы имеем выдающийся пример межхристианского сотрудничества. Если мы хотим сохранить, а бы выразился сильнее — *спасти* наши взаимоотношения, мы должны вернуться к тому духу открытости, взаимного уважения и стремления к сотрудничеству, который был равно присущ и папе Иоанну XXIII, и митрополиту Никодиму, и другим выдающимся христианским деятелям XX века. Всякий другой подход был бы преступлением перед Богом, перед нашими верующими, перед историей.

